

УДК 304.44

Особенности новой ситуации в социальном познании

Ю.С. КРАВЦОВ

Днепродзержинский государственный технический университет,
г. Днепродзержинск, Украина
E-mail: n.konoh@mail.ru**Авторское резюме**

В статье рассматривается новая ситуация в социальном познании, которая сегодня может быть охарактеризована, как весьма сложная. Современная ситуация в социальном познании может быть представлена как ситуация кристаллизации «новой рациональности», расширяющей сферу рационально-теоретического дискурса. Одной из граней расширения сферы рационально-теоретического дискурса можно считать развитие социальной теории симулякров и симуляции как видов репрезентации. Особенностью современного социального познания, задающей новую парадигму, является то, что оно осуществляется через анализ того, какими представлениями опосредовано само познавательное отношение к социальным феноменам, что сопровождается глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности, изменений в социально-коммуникативной сфере. Рассматривается понятие репрезентации как симуляции. Оно противопоставляется привычному, «позитивному» понятию: с точки зрения последнего симуляция предстает как ложная репрезентация, но если исходить из первого, то становится явным симулятивный характер всякой репрезентации.

Ключевые слова: онтологический поворот, коммуникативное пространство, коммуникативное поле, модель социальных процессов, симуляции как виды, репрезентации, объект-язык, субъект-язык, коммуникативное действие, общество автономной воли.

Features of the new situation in social cognition

YU.S. KRAVTSOV

Dneprodzerzhinsk state technical university,
Dneprodzerzhinsk, Ukraine
E-mail: n.konoh@mail.ru**Abstract**

The article discusses the new situation in social cognition, which today can be described as very difficult. The current situation in social cognition may be presented as a situation of crystallization of the «new rationality», extending the scope of rational-theoretical discourse. One of the facets of expanding the scope of rational-theoretical discourse can be considered as the development of social theory of simulacra and simulation as forms of representation. Feature of modern social cognition that sets a new paradigm is that it is carried out through the analysis of what is mediated representations of the very cognitive attitude to the social phenomenon that is accompanied by a deep reconceiving - mentally communicative nature of social reality, changes in the social and communicative sphere. Discusses the concept of the representation of the simulation. It is opposed to the familiar «positive» concept: from the point of view of the latter simulation is presented as a false representation, but if we start from the first one, it becomes clear simulative nature of any representation.

Keywords: ontological turn, communicative space, communicative field, the model of social processes, as the types of simulation, representation, object-language, subject, language, communicative action, society autonomous will.

Постановка проблемы. Наиболее радикальным поворотом в философии XX столетия был онтологический, в результате которого проблематика сознания, мышления, познания, науки оказалась проблематикой бытия, его процессуальности, его структурности. На поверку этот онтологический поворот – как выяснилось в последней четверти XX века – оказался поворотом социально-философским, поскольку важно было ответить на вопросы, кто воспроизводит и выстраивает формы бытия, в каких субъектных взаимодействиях и ситуациях они воспроизводятся, изменяются, проектируются и конструируются [6,49].

© Ю.С. Кравцов, 2013

Анализ исследований и публикаций. Специфику современного общества во многом определяет развитие информационных технологий. Развитие техники отражает глубинные процессы, происходящие в современной культуре, а именно: появление единого коммуникативного пространства в рамках современной культуры, формирование «коммуниального общества» [1,146]. Отдельные аспекты проблемы социальной реальности были освещены в советской и постсоветской философской литературе. Так вопросы философского осмысления ценностно-нормативной реальности получили развитие в работах таких авторов:

Т.О. Алексеева, В.П. Андрущенко, В.С.Бакиров, И.В. Бичко, Э.К. Быстрицкий, Н.А.Бусова, О.Г. Дробницкий, А.М. Ермоленко, К.К.Жоль, А.И. Кавалеров, Н.С.Конов, О.М. Кривуля, В.О. Лобовиков, А.М. Лой, О.Ф. Плахотный, М.В. Попович, С.В.Пролеев, О.П. Пунченко, М.И.Романенко, Л.А.Ситниченко, Е.Ю.Соловьев, О.В.Халапсис, С.В.Шевцов, В.В. Шкода и др.).

Цель исследования. Происходящая в современном мире глобальная трансформация индустриального общества в информационно-коммуникативное сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности социума, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникационных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности, изменений в социально-коммуникативной сфере [2, с. 103]. Особенностью современного социального познания, задающей новую парадигму, на наш взгляд, является то, что оно осуществляется через анализ того, какими представлениями опосредовано само познавательное отношение к социальным феноменам. Социальные явления и процессы предстают в виде эффекта согласия/несогласия субъектов, эффекта их взаимовлияний. Коммуникативное поле агентов определяется правилами, когда взаимодействие горизонтов делает сознательные намерения и волевые решения вторичными. В данном случае возможность другого взгляда на предмет рассмотрения становится обязательной, с необходимостью востребованной. Особенностью коммуникативного поля является то, что оно создается конститутивными (Э. Гуссерль) действиями многих отдельных «Я», это дискурсивно оформленная субъектами реальность [8,67]. Это существующая объективно реальность, представляющее собой со-существование множества партикулярных горизонтов. Характерной особенностью коммуникативного осознания является необходимое структурно организованное социальное поле. Но, однажды создав, репрезентанты социальных норм, человек оказывается заложником собственного изобретения. Созданные институты начинают вести самостоятельную жизнь, уже влияя на самого агента. Так происходит отчуждение собственной деятельности от создателя: создаются поля. Социальная реальность переносится из, так сказать, «физического пространства» в план сознания, т.е. начинает мыслиться как интенциональные взаимосвязи смыслов в сознании субъектов действий с той лишь оговоркой, что эти взаимосвязи не всегда прозрачны для самих агентов [5.;19]

Изложение основного материала. Попытка построения модели социальных процессов, претендующей на «объективность» в смысле необремененности какой-либо точкой зрения, по пути непосредственного обращения к социальным феноменам, как показывает история, неизбежно заканчивается идеологией. С другой стороны, всякое социальное явление, как правило, рассматривается в каком-либо аспекте, осмысливается в рамках ограниченной совокупности предпосылок, а любая последующая интерпретация осуществляется по частным правилам («горизонт познания»). Это обуславливает ситуацию, что в социальной жизни не существует положения дел, не затронутого интерпретацией, более того социальное явление никогда не раскрывается полностью. Сформулированный тезис знаменует отказ от традиционной для социальных наук ориентации на «объективизм».

Современная ситуация в социальном познании может быть представлена как ситуация кристаллизации «новой рациональности», расширяющей сферу рационально-теоретического дискурса из-за признания эвристических ценностей ранее отвергнутых негативных социальных практик. Одной из граней расширения сферы рационально-теоретического дискурса можно считать развитие социальной теории симулякров и симуляции как видов репрезентации.

Репрезентация как проекция включает в себя представление о том, какой она должна быть. Репрезентации присуще представлять не только нечто, но и собственную репрезентативность. Если следовать наивной точке зрения, то репрезентация каким-то образом воспроизводит воспринимаемую форму объекта. Эта точка зрения лежит в основе и логики эксперимента, и феноменализации формы: действительно, репрезентация субъектом объекта недвусмысленно отождествляется с воспринимаемой «феноменальной формой». Однако, благодаря изначальной недостижимости идентичного отображения субъектом объекта, репрезентация лишь устанавливает конкретное тождество форм. Иными словами, репрезентация представляется как конвенционально принятое установление тождества, которое кажется «правильным» или «подлинным». Отсюда репрезентация в целом есть функция визуального понимания, которым обладает субъект, но отсюда же репрезентация есть лишь акт симуляции.

Понятие репрезентации как симуляции противопоставляется привычному, «позитивному» понятию: с точки зрения последнего симуляция предстает как ложная репрезентация, но если исходить из первого, то становится

явным симулятивный характер всякой репрезентации. Второе понятие снимается первым: репрезентация оказывается рабочим элементом механизма симуляции. Речь уже идет не о ложной репрезентации реальности, а о том, чтобы скрыть, что реальное больше не является реальным. Симуляция упраздняет «принцип реального».

Сегодня все чаще звучит мысль о том, что человечество вступает в эпоху, когда виртуальная реальность, то есть образ окружающего мира, создаваемый СМК и, прежде всего телевидением, а в последние годы и не без помощи Интернет, во многом не совпадает с действительностью. Сущностной стороной этого несовпадения выступает формирование при посредстве новейших коммуникационных технологий принципиально иного, неведомого ранее «глобального пространства — времени»: локальное, ограниченное пространство буквально становится мировым, а конкретное время приобретает относительный характер. И теперь уже, по сути, не столько важно то, когда и как именно произошло то или иное событие, сколько когда, как и в каком именно контексте оно было не только представлено, но и воспринято. Развитие средств коммуникации привело к отделению передачи информации и символического содержания от необходимости пространственно-временной локализации и тем самым породило новый вид публичности в современном мире. Таким образом, мы можем говорить о языке как явлении, существующем для аккумуляции, передачи и для создания новой информации, как о явлении, формирующем первичную информационную среду человека. При таком подходе перед исследователем языка неизбежно встает проблема определения видов языковой информации и средств, с помощью которых могут быть переданы разные виды информации, потому что даже на первый взгляд становится ясно - эта необычайно сложная, иерархически организованная коммуникативная система, состоящая из разноуровневых единиц, позволяет оперировать информационными блоками различной степени сложности. В таком случае можно предположить, что за единицами разных уровней оказываются, закреплены различные информационные функции.

Говоря о специфике моделирования виртуальных форм социальной реальности, следует рассмотреть вопрос о возможности использования моделей в гуманитарных науках. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отображения и воспроизводства объекта социогуманитарных исследований, к которым относятся: человек в его социальной роли, общество и культура. В естественных науках в качестве основных

теорий, в рамках которых обосновывается возможность использования моделей, является теория подобия. В данной теории соотношение между моделью и объектом моделирования рассматривается с точки зрения изоморфизма или гомоморфизма.

Деятельностная концепция языка, восходящая к В. Гумбольдту, как нам представляется, дает возможность представить строение функционирующего языка в виде трехчленной формулы: объект-язык — речевая деятельность — субъект-язык. Объект-язык есть часть социальной знаковой реальности, существующая независимо от индивидуального субъекта и втягиваемая в сферу индивидуальной речевой деятельности. Субъект-язык есть непосредственно индивидуальная, личностная оболочка мысли, представляющая собой материальную речеоперативную модель объект-языка.

В приведенной трехчленной формуле под объект-языком будем понимать знак или комплекс знаков, замещающий прежде всего объективные связи и отношения в практике и во внешнем мире. Функция объект-языка заключается в замещении знаками именно тех связей, которые в данной конкретной ситуации независимы от сознания владеющего этим языком индивида, но необязательно независимы от общественного сознания. В последовательности этих знаков объект-языка, хранящегося в книгах, в памяти ЭВМ и т. п. материальных формах, закреплены объективно-надиндивидуальные взаимосвязи предметов. Оперирование с объект-языком позволяет без особых затрат физической энергии намечать и взвешивать альтернативные варианты поведения, оперируя информацией в чистом виде. «Впечатанная» в объект-язык информация является собой связанную информацию, которую субъекту еще предстоит извлечь, подвергая объект-язык речевым преобразованиям. В этом смысле стихийно закрепленные за знаками объект-языка значения могут быть реальными по отношению к общественному сознанию, но потенциальными по отношению к присваивающему этот язык индивиду.

Если объект-язык — это инобытие практики, то субъект-язык есть то, о чем писал Л.С. Выготский: «Мысль не выражается, а совершается в слове» [3;378]. Субъект-язык — речеоперативная модель объект-языка. По своей физической форме, по своему «телу» он абсолютно тождествен знакам объект-языка, однако по своему содержанию, вообще говоря, он отличается от содержания объект-языка. Если знак есть единство предметной формы и значения, то два разных значения, приписанных к одной и той же форме, по сути дела дают нам два разных знака. В этом смысле объ-

ект-язык и субъект-язык в принципе есть два разных языка, различающихся своими значениями. Субъект-язык — это индивидуальный субъективный перевод объект-языка, совершаемый актами речи. Эти знаки могут быть в чем-то тождественными и в чем-то не совпадать друг с другом по своему содержанию. Носителем информации от объект-языка к субъект-языку служат речевые операции субъекта, в итоге которых рождается высказывание. В результате интериоризации высказывания получателем информации последняя усваивается субъектом непосредственно, т. е. как восприятие не материальной формы знака, а референта знака. Мысли не существуют сами по себе в голове, как в кладовой, но всякий раз заново возбуждаются речью. Так, речевая деятельность опосредует в человеческом языке два полюса: объект-язык и субъект-язык. В возникающей на стороне субъект-языка знаковой модели так или иначе «впечатаны» способы речевых действий. Любая репрезентация становится симулятивной, но не просто обманкой, а социальным конструктом, цель которого не обман, а творение, ведь в символическом пространстве любое искажение немедленно приводит к созданию нового. Симуляция повергает реальное и способствует «имплозии социального» как жесткой формы и в то же время оказывается единственной формой, в которой возможно его единение. Теория коммуникативного действия может быть рассмотрена как современный вариант понимания практического разума, не сводимого к его кантовскому пониманию. По словам Хабермаса, «практическим разумом мы называем способность обосновывать соответствующие императивы, причем в зависимости от характера действия и вида предстоящего решения меняется не только не обусловленный

каким-либо местоположением смысл «необходимого» или «должного», но и само понятие воли, которая должна в каждом случае определяться через разумно обоснованные императивы» [7,15].

Проблема практического разума с точки зрения коммуникативной модели рациональности - это исследование процессов коллективного формирования воли, общественно значимых ценностей и образцов поведения. В этом аспекте Хабермас говорит об уместности постановки вопроса: можем ли мы сейчас говорить о практическом разуме в единственном числе, если фактически имеем дело с его различными проявлениями в аспектах целесообразного, доброго и справедливого, выраженных в различных формах аргументации?[7,28]

По мнению П.Бурдье, в современном обществе автономной воли, общественного мнения не существует вовсе, в большей степени это теоретическая конструкция, используемая теми, кто проводит опросы, и теми, кто их заказывает. По его словам, «есть, с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных интересов; и с другой стороны - предрасположенности, которые по определению не есть мнение...» [4,129].

Выводы. Таким образом, аспекты общественного развития оказываются тесно связанными с глубинными структурами человеческого сознания, сферой жизненного мира индивидов. Практический разум, выступающий в единстве различных типов дискурсов, может функционировать только в результате взаимной чувствительности друг к другу экономической жизни, политической культуры и духовного мира, неотчуждаемых жизненных потребностей индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / В.Л. Иноземцев (пер. с англ.). — М.: Academia, 1999. — 787с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000 – 96 с.
4. Бурдье П. Социология политики. -М.: SOCIO-LOGOS, 1993. – 336 с.
5. Зинченко Е.В. «Коммуникативная рациональность» как априори социальных наук (методологический обзор проектов) // Теоретический журнал Credo New № 3, 2003 – С.23-32
6. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию: Учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. – М.: Академический Проект, 2001. - 314 с.
7. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность: Лекции и интервью. Москва, апрель, 1989 / Ю. Хабермас. М.: Наука, 1992 - 178 с.
8. Husserl E. Cartesianische Meditation. F. Meiner Verlag Hamburg Hrgeb E. Strecker, 1978.S.67

Статья поступила в редакцию 22.08.2013

REFERENCES:

1. *Bell, D.* Gryadushee postindustrialnoe obshestvo. Opyt socialnogo prognozirovaniya (Future postindustrial society. The experience of social forecasting) /V.L. Inozemstev (perevod s angl.). Moskva: *Arademia*, 1999. 787 p.
2. *Berger, P., Lykman, T.* Socialnoe konstruirovaniye realnosni. Traktat po sociologii znania. (The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge.). M.: «*Medium*», 1995. 323 p.
3. Sm.: *Bodriyar, G.* V teni molchalivogo bolshinstva ili Konets socianogo. (In the shadow of the silent majority, or the End of the social). Ekaterinburg, 2000. 96 p.
4. *Burdie, P.* Sociologiya politiki (Sociology of politics.). -M.: *SOCIO-LOGOS*, 1993. 336 p.
5. *Zinchenko, E.V.* «Kommunikativnaya ratsionalnost» kak apriori sotsialnukh nauk»(metodologicheskii obzor proektov) («Communicative rationality» as a priori social Sciences (methodological review of the projects). *Teoreticheskii gornal Credo New*. N. 3, 2003. P.23-32
6. *Kemerov, V.E.* Vvedevnie v socialnuy filosofiy: Ychebnik dlya VUZov (Introduction to social philosophy: Textbook for universities.) Izd-e 4-e. ispravl.– M.: *Aradeicyeskiy proekt*, 2001. 314 p.
7. *Gabermas, Yu.* Demokratiya, razum, npravstvenost/: Lektzii I intervii.(Democracy, reason, and morality: Lectures and Interviews) Moskva, aprel,1989. M.: *Nauka*, 1992. 178 p.
8. *Husserl, E.* Cartesianische Meditation. F. Meiner Verlag Hamburg Hrgb E. Strecker, 1978. p.67

Кравцов Юрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент
Днепродзержинский государственный технический университет
Адреса: 51918, Украина, г. Днепродзержинск, ул. Днепростроевская, 2, корпус 3, ком. 246
Телефон: +38 (0569) 55-12-87, e-mail: kravcovyuri@yandex.ru

Kravtsov Yuri Serheevych – PhD in philosophy, associate professor
Dneprodzerzhinsk state technical univiers
Address: 2, Dneprostroevskaya Str., Block 3, r. 246, Dneprodzerzhynsk, Ukraine, 51918
Phone: +38 (0569) 55-12-87, E-mail: kravcovyuri@yandex.ru